

Ракурс

Александр Брагинский

Дантон живет в гостинице «Россия»

Так уж повелось на международных кинофестивалях: всемирно известных актеров буквально раздирают на части. Жерар Депардьё не стал исключением из этого правила. Еще до приезда Депардьё вокруг него образовалась некая аура таинственности — ждать, не ждать? А когда стало известно, что приехал-таки, шли бесконечные толки, где живет «звезда» — в «Москве», в «России», в «Совинцентре»? Потом было установлено: в «России», но знать — это еще полдела, главное — как-то войти в контакт, а телефон упорно молчал. Перехватить его в холле было так же трудно, как подойти к окруженному толпой Пеле после футбольного матча. Порой казалось, что он даже выглядел чуть растерянно, хотя вроде бы и должен был привыкнуть к статусу «звезды».

Издали бросались в глаза его недельная борода («Готовлюсь к новому фильму») да полное безразличие к условностям этикета. Свой расхристаный вид Депардьё сохранил даже на приеме в посольстве по случаю национального праздника Франции Дня 14 июля.

Я было совсем отчаялся взять интервью, да помог режиссер Франсис Вебер: «Я вас познакомлю. Остальное будет зависеть от вас».

Так и получилось. Слово Вебера, видимо, много значило для Депардьё: его рукопожатие было неожиданно крепким. Депардьё сказал: «Идемте», — и мы оказались в его полулюксе, куда все время кто-то рвался, пока хозяин не запер дверь. Впрочем, ощущения покоя таким образом он все же не добился: над нами, словно дамоклов меч, висели камеры телевидения, перед которыми артиста должны были вот-вот интервьюировать. Хорошо еще, что горничная, добрая душа, принесла ему чай (как он заказал его, как сумел выскользнуть из номера — остается загадкой). Беседуя со мной и корреспондентом «Спутника ки-

нофестиваля», он прихлебывал из стакана, хотя мне почему-то показалось, что предпочел бы чаю доброе французское вино...

Жерар Депардьё в жизни — это почти два метра роста, киловольты энергии, заключенные в мощном двадцатикилограммовом теле. Зная о его бурном детстве, я легко представил его главарем мальчишеской стаи, заводилой эскапад в приключениях далеко не всегда безобидного свойства. Где-то раньше я читал, что уже двенадцатилетним подростком он весил 63 килограмма и все считали его гораздо старше своих лет...

Но что же, собственно, мне было известно о периоде жизни Жерара Депардьё, предшествующем его первому крупному успеху в кино в 1974 году, когда он снялся в фильме Бертрана Блие «Вальсирующие»?

● Жерар Депардьё родился 27 декабря 1948 года в Шатору, что в 250 километрах южнее Парижа, крупном железнодорожном и промышленном центре департамента Эндр, который в пятидесятые годы был наводнен американскими солдатами, поскольку именно там располагалась штаб-квартира натовских войск. Семья была многодетная, неблагополучная. Отец пил, ссорился с матерью, на детей не обращал внимания. Те росли на улице. Жерар был третьим из шести детей папаши Депардьё, кровельщика, так и оставшегося в душе крестьянином, затерявшимся в большом городе. Тетки Жерара жили поблизости, в Эгиренде, где Жерар обычно и проводил лето. Вынужденное безделье провоцировало Жерара и его приятелей, которые, как правило, были на пять-семь лет старше его, к поискам всевозможных острых ощущений: они грабили ювелирные лавки, угоняли автомашины, жестоко дрались с пьяными американскими солдатами. Не

Жерар Депардьё
 Депардьё на съемках фильма «Тартюф»
 Жерар Депардьё со своей женой Элизабет

раз и не два мать вызволяла Жерара из комиссариата полиции как несовершеннолетнего.

«Уже тогда я познакомился с судами и со следователями, с тюрьмой», — вспоминал актер. Однажды, «доразвлекавшись» до коматозного состояния, Жерар попадает в больницу, где выслушивает суровый приговор врачей: если так будет продолжаться и дальше, он погибнет... Тогда Жерар принимает первое в жизни здоровое решение — едет на юг и устраивается на лето служащим на канском пляже. «Я вообразил, что умею пользоваться водными лыжами, — рассказывал он, — и владею английским на том основании, что наслушался записей Элвиса Пресли. Когда же меня спрашивали, где работаю, я отвечал, что в театре — Национальном Народном театре, единственном, который был мне известен».

В 1984 году в интервью журналу «Ну-вель обсерватер» он говорил:

— Следует понять, что мое детство правонарушителя в Шатору — это совсем не домысел, признанный придать биографии патетический оттенок. Это был мой мир, и я от него не отрекаюсь, он так и остался моим: улица, пропойцы, занимающиеся мелким, раз от раза, преступным промыслом, бары, драки... Знаете ли, в этом мире не водились

завзятые подлецы... Там я научился жить без вожжей, с ощущением невероятной свободы, которую способны испытывать только актеры, переходя от одной роли к другой. Когда у тебя такое детство, эмоции остаются первозданными, и если ты становишься актером, это очень помогает.

Что имел в виду Жерар Депардьё? Он, посмеиваясь, объяснил мне это так: мол, когда тебя хватала полиция и везла в участок, надо было тотчас сочинить легенду, разыграть невинность, иными словами, действовать в рамках какого-то выдуманного образа. «А это, согласитесь, превосходный способ тренировать фантазию. До сих пор не знаю почему, но мне всегда удавалось входить и в кино, и в театр без билета. Я даже учился на театральных курсах бесплатно. Наверное, я

был действительно очень способным «актером».

Так судьба приводит его в Париж — сначала на курсы Ш. Дюллена при Национальном Народном театре, а затем в Школу драматического искусства Жана-Лорана Коше, где он прозанимается девять месяцев. Здесь ему дают впервые в жизни прочитать текст Мюссе.

«Надо сказать,— читаю я в одном из интервью Депардье,— что в среде уголовников не принято говорить «Я тебя люблю» или что-нибудь в этом роде. Театр познакомил меня с этими словами... Мюссе, Дюра, Хандке научили меня разговаривать. Я вчитывался в прекрасные тексты, работал над образами Пирра, Ипполита, Нерона, дона Сезара де Базана, и это, надо сказать, было не так-то просто. Помнится, мне надо было произнести со сцены: «За мной стоит вся Греция». Мне втолковали, что Греция — это страна, я как-то и позабыл об этом... На курсах я узнал, кто такие Калигула, Гамлет (который, кстати, мне не по душе, я предпочитаю Макбета), Лорензаччо...»

На курсах Жерар Депардье впервые в жизни учится, понимая, что главное для него как для будущего актера — слово. Он жадно читает, впитывает как губка тексты классиков. Он с наслаждением произносит слова, которые раньше были ему как бы и недоступны. Он понимает, что гнев, безумие, страсть — все эти чувства, оказывается, могут быть выражены словами. Какая же радость узнать такие слова, как приятно вкусить их сладость!

И все же лучшей школой для Депардье была его жизнь. Это так? Жерар Депардье отвечает: «Конечно. Я сделан из одного куска. Если я загораюсь, то целиком. И если во мне и есть артистизм, то от природы, а не от учебы. С самого детства я провоцирую людей. Люблю подражать. Однажды я сказал Катрин Денев, что когда крепко дерешься, испытываешь такое же наслаждение, как и в любви. Она меня, по-моему, не поняла. А разве это не так? Когда тебе хорошенько вмазывают по морде, это опьяняет. Впрочем, драка, даже уличная, не имеет ничего общего с насилием. Настоящее насилие всегда расчетливо. Это — война, скажем, та, что идет на Ближнем Востоке». Любопытная мысль!..

Однако природа природой, а занятия с Коше, равно как и последовавшая вскоре встреча с таким крупным театральным режиссером, как Клод Режи, сделали

все же немало, чтобы профессионализировать талант Депардье. А то, что он действительно талантлив, всем было понятно сразу, иначе, наверное, никто не стал бы с ним возиться.

В 1967 году Депардье снялся в короткометражке Роже Леенгардта о битниках. Этот фильм не занимает важного места в биографии его автора — режиссера и критика, в то время как для Жерара Депардье участие в фильме имело большое значение: он впервые попал на съемочную площадку. Вскоре его пригласила на картину Аньес Варда, но закончить работу не удалось: помешали события 1968 года и отсутствие денег. Так и не сумев хоть чуть-чуть разбогатеть, Жерар вернулся на знакомые пляжи Лазурного берега, чтобы подрабатывать, обслуживая богатых бездельников. А вернувшись осенью в Париж, он получил приглашение сняться на телевидении в фильме «Свидание в Беденсберге». На съемках его заметил Роже Батай и пригласил актера в театр «Кафе де ля Гар», где Депардье завязывает знакомства с Патриком Девэром, Миу-Миу, Колюшем и другими звездами французского кино второй половины 70-х годов, тогда еще только делавшими в искусстве первые шаги.

Именно Девэр и Миу-Миу становятся его партнерами по фильму Бертрана Блие «Вальсирующие». «Симпатичные подонки» из «Вальсирующих» так понравились молодым зрителям, успех картины был столь велик, что способствовал автоматическому включению Жерара Депардье, равно как и Девэра, в число кинозвезд «повышенного спроса». Ему начали предлагать самые разные роли, причем Депардье чуть ли не отбивается от героев, похожих на персонажей из фильма Блие, и сопротивление этим предложениям актер выдерживал не всегда...

— Не всегда?

— Увы. Я сыграл куда больше негодяев и подонков, чем привыкли считать. Некоторые вам, наверное, известны: это и доктор Берг, честолюбец, затравленный провинциальной врачебной мафией и доведенный до необходимости убивать самому, а затем и до самоубийства («Семь смертей по одному рецепту», в нашем прокате — «В сетях мафии». — А. Б.), это дрессировщик собак в картине «Собаки» (в нашем прокате — «Собаки в городе». — А. Б.), это и аристократ-жулик из фильма «Сахар». К ним примыкает и мольеровский «Тартюф». Все они в той или иной степени подонки.

**Жерар Депардьё
и Фанни Ардан
в фильме «Соседка»,
режиссер Франсуа Трюффо**

**«Дантон»,
режиссер Анджей Вайда**

**Жерар Депардьё и Пьер
Ришар в фильме
«Беглецы»,
режиссер Франсис Вебер**

— Кстати, отчего вы решили на свои средства перенести спектакль Жана Лассалья «Тартюф» на пленку?

— Прочитав впервые «Тартюфа», я увидел в пьесе Мольера отличный сценарий. Я уже рассказывал об этом в «Нувель обсерватор». Я с удовольствием «погрузился» в него по уши, уговорил жену сыграть Эльмиру. И Тартюф вошел в наш дом, как некогда в дом Оргона, где проявил полное неповиновение. От Тартюфа уже нельзя было избавиться. Затем мы привлекли к работе Жана Лассалья и Жака Перье, которые предложили своеобразное прочтение пьесы: наш Тартюф был ближе по концепции к герою из «Теоремы» П.-П. Пазолини. Эту работу, так увлекшую нас, мне и захотелось сохранить. Вдруг она станет интересной

кому-нибудь еще кроме тех, кто ее делал? Театр — вещь преходящая, скажем, сколько бы я ни сокрушался, что никогда не увижу на сцене Луи Жувэ в роли Тартюфа, «выплакать» я его не смогу.

За 13 лет, прошедших после успешного дебюта в «Вальсирующих», Жерар Депардьё снялся в полусотне картин. Их качество весьма неоднородно. Однако актер постоянно подчеркивает, что для него важны не столько роли, сколько авторы и партнеры. После «Вальсирующих» они с Патриком Девэром снова снялись у Бертрана Блие, на этот раз в агрессивно антифеминистской ленте, антимелодраме «Приготовьте носовые платки» («Блие потому так резко говорит о женщинах, что их очень любит»). А спустя четыре года их снова сводит судьба, на этот раз

в работе над фильмом «Холодная закуска», поднимающим важную тему немотивированной преступности. Участие Депардьё в этой картине опять же не случайно, поскольку Блие несомненно использовал некоторые факты из биографии актера, интерпретируя их в присущем ему стиле, сочетающем предельную трезвость авторского взгляда с известной абсурдностью сюжетных построений, необходимых, чтобы выразить сполна свой пессимистический взгляд на общество.

Много и восторженно говорит актер о своей встрече с Маргерит Дюра, известнейшей французской авангардисткой. Пожалуй, Дюра — единственная из режиссеров, которая рассчиталась с Депардьё... бутылкой вина: у нее не было денег на гонорар. Но это не имело для Депардьё значения. «Взамен я получил роль, и это было прекрасно». Дюра искала исполнителя на роль клоуна-коммивояжера в фильме «Натали Гранже» (1973). Вот как рассказывает сам Жерар Депардьё о первой встрече с нею:

— Маргерит Дюра — отнюдь не сухая интеллектуалка, как о ней подчас пишут. Ее мир был моим еще задолго до нашей встречи. Фильмы Дюра надо смотреть так же, как читают книги — слово за словом, строка за строкой. Женщина она многосторонне одаренная — художник, писатель, музыкант, кинорежиссер. Для меня Дюра — нечто абсолютно естественное, как сама земля... Когда я впервые очутился у нее дома и увидел эту маленькую женщину, мне показалось, что я давно с ней знаком. Проводив меня в комнату, она попросила, чтобы я ее напугал. Я угрожающе двинулся на нее, и она действительно испугалась. Странное дело, я ведь совсем и не старался, напротив, мое сердце прямо-таки пело при одном ее виде. Но раз уж она захотела испугаться...

После «Натали Гранже» Депардьё снимался у Дюра в картинах «Женщина с Ганга» (1974), позднее в «Бакстер, Вера Бакстер» и, наконец, в 1977 году в «Грузовике», где она была еще и исполнительницей главной роли — женщины-режиссера, рассказывающей о фильме своему будущему актеру. Фильм лишен всякого действия: актеры сидят в комнате и разговаривают. Я однажды видел этот странноватый киноопус, и единственное, что запомнил — глаза Жерара Депардьё, восторженно устремленные в сторону своей мудрой собеседницы. Даже сейчас, когда актер стал так популярен и так много снимается, убежден, что позови она

его сыграть бесплатно — он тотчас согласится.

...В 1980 году, готовясь сыграть на сцене Тартюфа, Депардьё говорил:

— До сих пор меня интересовали проявления зла в человеческой натуре, причем я хотел всегда, чтобы мои «подлецы» не были фигурами плоскими, хотел как бы заглянуть за оболочку характера, посмотреть, какая жизненная сила толкает того или иного героя на совершаемые им поступки... Сейчас же я все больше чувствую потребность передать актерскими средствами положительное начало, заключенное в человеке.

Когда я напомнил актеру эту его фразу, Депардьё в продолжение моих мыслей сразу же назвал фильмы 80-х годов, предложившие актеру именно таких героев: «Мой американский дядюшка» Алена Рене, «Последнее метро» Франсуа Трюффо, «Двадцатый век» Бернардо Бертолуччи. Среди героев — комиссар полиции в фильме Мориса Пиала «Полиция», священник из ленты «Под солнцем сатаны» того же режиссера, Жан де Флоретт из одноименной картины Клода Берри, Дантон из фильма Анджея Вайды, а также персонажи известных нам комедий Франсиса Вебера, где его партнером выступил Пьер Ришар.

Действительно, на смену «симпатичным подонкам» или асоциальным типам вроде Лулу из одноименного фильма Пиала постепенно пришли другие герои: крестьянин, выбившийся в люди, — у Рене; актер, участник Соппротивления в период оккупации, — у Трюффо; крестьянский вожак Ольмо — у Бертолуччи; Жан де Флоретт, горожанин, обосновавшийся в деревне, чтобы испить до дна человеческую подлость, — у Клода Берри. Сюда же можно добавить любопытный образ адвоката, отвергающего сговор с финансовыми махинаторами, которых он еще недавно защищал в суде («Берег правый, Берег левый» Филиппа Лабро), или одержимого палеонтолога из комедии Даниэля Виня «Одна женщина или две».

Меняются режиссеры, одна роль уступает место другой, но осознанная с годами точка зрения актера на его место в кинематографическом творчестве остается, пожалуй, неизменной. Вот как он ее формулирует:

— Наше ремесло таит в себе замечательную особенность — самообновление. Означает ли оно отрицание определенного амплуа? Нет. Хотя бы потому, что каждая новая роль — это новые поступки, а они

неминуемо изменяют нашу актерскую суть. Даже между той правдой, которую выражаешь словом, и правдой самой по себе уже существует какой-то разрыв. Поэтому истинная правда — это, по моему, прежде всего поступок, а не слова... Та жизнь, которая заключена в роли, часто вызывает у тебя отталкивание, неприятие своей чужеродностью, но через это ощущение надо пройти, и тогда ты почувствуешь себя органично. Что такое моя работа?.. Это необходимость любить жизнь во всех проявлениях. Потерять мою работу — то же самое, что потерять любовь, разлюбить... Когда я разочарован кем-то, мне кажется, будто я сижу в тюрьме, и это ужасно! Я и сам не люблю разочаровывать... У актера есть отличный шанс как бы ничего не делать конкретно, просто быть, жить-поживать, только лишь прислушиваясь ко всему, что тебя окружает. Но это ничегонеделание обманчиво — нужно много трудиться, незаметно для всех накапливать в себе жизненные ощущения. К счастью, мне по душе моя работа. И я рад, что получаю ее почти непрерывно... Нельзя, однако, стать хорошим актером, если отвергаешь мысль о том, что в любой момент тебя ждет презрение, насмешка. Этого не стоит бояться, тогда ты никогда не будешь смешон, никогда! Смешно другое — те рамки, те законы, которые нас себе подчиняют. Именно они, порой навязывая человеку несвойственное, делают его смешным...

Презируя лицемерие мнимой законности, которое, по словам Депардье, порой искажает человеческое естество, сам Депардье стремится и в профессиональной и в личной жизни к известной устойчивости, стабильности. Ему всегда необходимо ощущение семьи — как в прямом, так и переносном толковании этого понятия.

— Как только я начал по-настоящему работать, я тотчас обзавелся семьей. Я женился очень молодым — двадцати лет, а уже в двадцать один стал отцом. Для меня семья важнее, чем профессия. Успех и связанная с ним возможность жить легко и беззаботно могут прийти, а могут и не прийти. Поэтому первым долгом я захотел иметь настоящую семью, — говорил он как-то в интервью журналу «Премьер».

В детстве Жерар не испытал радости семейного очага. Отсюда — его стремление иметь семью, надежный тыл. Жена Жерара Депардье Элизабет — социолог по образованию — одаренная актриса. В семье двое детей — сыну восемнадцать, дочери

пятнадцать. Долгое время Элизабет находилась как бы в тени своего знаменитого супруга. Впервые она выступила с мужем на сцене в «Тартюфе». На XV Московском кинофестивале мы видели ее в фильме «Жан де Флоретт». Впрочем, она снимается и в тех фильмах, где не участвует Жерар. Не так давно Элизабет сочинила цикл песен, которые Жерар записал на пластинку. Так он впервые доказал, что умеет петь. Хотя и рисковал... Вообще, чем бы ни занимался Жерар Депардье, он все делает с присущей ему серьезностью и ответственностью.

Другой своей семьей Депардье называет комедиографа Франсиса Вебера и актера Пьера Ришара. Мне уже приходилось рассказывать об этой популярнейшей троице в «ИК». На XV Московском кинофестивале был показан их фильм — «Беглецы». Мне кажется, что троица с честью справилась с задачей — выдумать нечто новое, используя наработанное в прежних картинах («Невезучие» и «Папаши»), и при этом не создать у зрителя впечатление повторяемости комедийных приемов.

По-особому сложились взаимоотношения Депардье с Морисом Пиала — одним из самых оригинальных режиссеров Франции. Их первый опыт совместной работы — фильм «Лулу» (1980) — сопровождался бурными постпремьерными объяснениями, ибо картина многим показалась чересчур откровенной. Именно тогда Морис Пиала высказал довольно остроумное определение актерской и человеческой сути Жерара Депардье — «грузовик с реактивным мотором». Я напомнил ему эти слова. Жерар Депардье кивнул:

— Вероятно, он был прав, раз так сказал. С Пиала работать трудно, съемки проходят бурно. Но именно это-то и хорошо. Еще во времена «Лулу» я почувствовал в Пиала поразительного актера, но играть в партнерстве с Пиала мне довелось лишь недавно, в фильме «Под солнцем сатаны», где я — аббат Донисан, а Пиала — мой наставник Мену-Сегре. Правда, скрестить с ним шпаги, о чем я всегда мечтал, мне так и не удалось, этим персонажам не из-за чего драться, в отличие от героев «Лулу» или «Полиции»... На съемочной площадке Пиала специально доводил нас до крайнего раздражения, создавая такую обстановку, которая была ему нужна в фильме, мы ожесточенно спорили... Мне казалось даже, что он ненавидит своих героев, и с

этим чувством я покинул съемочную площадку. Но вот недавно, пересмотрев «Лулу», я внезапно обнаружил, как Пиала, оказывается, нежен к своим героям...

«Лулу» — фильм о любви между людьми из разных слоев общества, о преградах, которые встают на их пути и которые сломать не так уж просто. Взгляд Пиала на действительность в «Лулу» безжалостен, беспристрастен, резок, кому-то он даже показался остраненно-холодным циником. Впрочем, последующие фильмы Пиала доказали, что это не так.

И если детективный сюжет «Полиции» (за роль инспектора Манжена из «Полиции» Депардьё получил премию Венецианского кинофестиваля в 1985 году), рассказывающий о драматических взаимоотношениях между полицейским и молодой женщиной, связанной с наркобизнесом, не высветил в творчестве Депардьё, на наш взгляд, ничего принципиально нового, то в фильме «Под солнцем сатаны» произошло поистине новое открытие актера. Его герой — аббат Донисан — вступает в единоборство с самим дьяволом, который испытывает на прочность вдруг пошатнувшуюся веру аббата в еще недавно казавшиеся незыблемыми устои католических канонов. Здесь Депардьё предстал перед нами подлинным актером-трагиком, которому доступна богатейшая гамма духовных переживаний.

Естественно, что мы заговорили об этом фильме, к тому времени только что получившем Гран-при в Канне; вспомнили, как неодобрительно восприняла фестивальная публика это решение, размышляли о том, в какой степени закономерным оказалось обращение Пиала к прозе Жоржа Бернаноса.

Несмотря на то что одним слогом фамилии Депардьё является «бог» («дье»), сам артист никогда не был верующим, хотя, по его словам, после фильма он все больше склоняется к соблюдению обрядов. Мы неожиданно вышли в беседе с актером на «Карамазовых» и на разговор Ивана с чертом. Жерар Депардьё очень любит этот роман Достоевского. «Кто из братьев мне ближе? — размышлял актер. — Вероятно, Алеша с его духовностью, добротой. Но во мне есть что-то славянское. Даже чисто внешне я больше

похож на русского, чем на француза. Знаете, когда Бертолуччи искал актера на роль Ольмо в «Двадцатом веке», он хотел, чтобы тот обладал русской внешностью. Ему подсказали меня...

Жерар Депардьё много и жадно читает, у него прекрасная память. Предпочитает книги о женщинах («Какие именно?» — спрашиваю я) — Фицджеральда, Жорж Санд, Маргерит Дюра. И вдруг, задумавшись, делает неожиданное признание: «Во мне самом очень сильно женское начало. Но я не боюсь этого. Несмотря на то что я похож на грузовик (в разговоре он не раз сравнивал себя и с медведем. — А. Б.) — во мне много чисто женских качеств. Во всяком случае, это лучше, чем чувствовать, что в тебе есть что-то от сутенера...»

В тот же день, когда произошла наша встреча, на приеме в посольстве, возвышавшись над пестрой толпой гостей с бокалом вина, он охотно ответил на другие мои вопросы, которые пришли мне в голову уже после беседы в номере гостиницы «Россия». В беседе он был предельно раскован, естествен, открыт. Ни разу я не почувствовал в нем какой бы то ни было позы, напыщенности. Прекрасное качество истинного таланта.

...А тогда, во время нашего интервью в номере, под нетерпеливые стуки в дверь (пора снимать передачу для ТВ!) он успел еще вкратце рассказать о новой роли — великого Родена в фильме «Мадемуазель Клодель». Продюсер и исполнительница главной роли в фильме — Изабель Аджани, с которой они успешно снялись вместе в 1976 году в фильме Андре Тешине «Барокко». Постановщик фильма, в прошлом интереснейший оператор — Бруно Ньюттен, это его режиссерский дебют.

— О каких ролях вы мечтаете?

— О любых. Я счастлив, что мне удалось работать с крупными режиссерами. Судите сами: я, уличный мальчишка, стал актером. Когда-то моей единственной сценой была улица, и я врал, что работаю в театре. Потом благодаря профессиональному театру я научился говорить и читать. Набравшись ума-разума, я пришел в кино. Оно приняло меня как своего. Здесь я опять чувствую себя на своей улице. Так что надо работать.